

Н.А. Четырина

**Срок похорон
в конце XVIII — начале XIX в.
(по материалам метрических книг)**

Похоронно-погребальные обряды всегда занимали особое место в ритуалах любого народа. Это наиболее консервативные обряды, в которых отражаются представления о смерти и взаимоотношениях живых и мертвых. Их доскональное соблюдение родственниками всегда считалось моральным обязательством по отношению к покойному и судьбе его души в мире ином. В ряду представлений о смерти и посмертной «судьбе» человека особое место занимает срок погребения. Современная историография не может похвастать обилием работ, в которых исследуется этот вопрос.

В середине XIX в. вся образованная Россия зачитывалась книгой А.В. Терещенко «Быт Русского народа». Он приводит разноречивые сведения о существовании погребальных обычаев в древности. По одним источникам, тело оставляли непогребенным несколько дней. По другим, более многочисленным и хорошо документированным, погребение обычно происходило в день смерти или, в случае невозможности подготовить гроб или могилу, — на второй. Он также приводит известие о сложной ситуации с погребением родного брата великого князя Ивана III — Юрия. Тело Юрия, пролежавшее в Архангельском соборе четыре дня, митрополит Филипп не разрешал предавать земле «потому только,

что не в тот день погребен, когда помер». Лишь вмешательство великого князя спасло ситуацию. Терещенко также приводит информацию писателей XVII в. о погребении покойных до истечения суток. Как особый вариант в Москве зимой существовал обычай после отпевания покойных вывозить их тела за город в «Божий (убогий) дом» (видимо, аналог современного морга) до весны, когда удобнее будет копать могилу¹.

Известный исследователь этнографии русского города М.Г. Рабинович, касаясь вопроса об очередности дня погребения, в основном опирается на записи Флетчера и Олеария, которые рассказывают об этом обряде в XVI – XVII вв. Они приводят сведения о погребениях знатных людей, тела которых могли находиться в церкви до 8 дней, а погребение приходилось на 9 день после смерти. Рабинович также приводит сведения Флетчера о существовании обычая зимой покойников не предавать земле, а складывать трупы в «Божьем доме» до весны. Эти сведения позднее были дословно приведены и в книге В.Д. Дмитриева о городе Чебоксары².

Наиболее развернутую картину существования и изменения срока со дня смерти до момента погребения у русских на протяжении XI – XIX вв. дает в статье «Время похорон» С.В. Сазонов³. Недостатком публикации (именно публикации, а не содержания статьи) является полное отсутствие ссылок, возникшее, возможно, в результате технического сбоя в момент издания. Автор констатирует разноречивость источников, особенно рассказов иностранцев. Анализируя источники XI – XVII вв., в которых указывалась не только дата смерти, но и дата погребения, С.В. Сазонов

¹ Терещенко А.В. Быт Русского народа. М.: Рус. кн., 1999. Ч. 2 – 3. С. 296, 298 – 299.

² Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. С. 260 – 261; Дмитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII — XVII веков. Чебоксары, 2003. С. 146 – 147.

³ Сазонов С.В. Время похорон // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов: Фонд гражд. инициатив «Содействие», 1995. С. 50 – 59. За указание этой статьи автор приносит сердечную благодарность к.и.н., доценту Алексею Владимировичу Лаушкину, а также искреннюю признательность д.и.н., проф. Натальи Вадимовне Козловой за ценные советы и замечания по содержанию работы.

приходит к выводу, что «в более чем половине случаев умерших хоронили в течение суток, чаще всего на следующий день после смерти»: «Именно так, в день смерти или на следующий день, были похоронены князь Всеволод Ярославич в 1093 г., князь Андрей Владимирович в 1141 г., его сестра Марица в 1146 г., князь Игорь Ольгович в 1147 г., князь Юрий Долгорукий в 1158 г., Иван Данилович Калита в 1340 г., Дмитрий Донской в 1389 г., князь Михаил Александрович Тверской в 1399 г., игумен Пафнутий Боровский в 1447 г., великий князь Василий Васильевич в 1462 г., царь Иван Васильевич в 1584 г., царь Федор Иванович в 1598 г., царь Михаил Федорович в 1645 г., царь Федор Алексеевич в 1681 г., патриарх Иоаким в 1691 г., патриарх Адриан в 1700 г.»¹. Это воспринималась как некая норма, не противоречащая основам православия. Большинство исключений связано с перемещением к месту похорон. Поворотным в трансформации этой нормы стал XVIII в. 28 января 1704 г. царь Петр I издал указ о порядке погребения: «Умерших всяких чинов мужеска и женска пола, которые будут надлежать к погребению у святых церквей, и до трех дней не погребать, а выносить их из домов в церкви, и в третий день их погребать по обыкновению»². Указ регламентировал только нижнюю границу срока (не ранее третьего дня после смерти), верхняя граница оставалась неопределенной. Причина появления новой нормы указом не объясняется и не аргументируется.

С.В. Сазонов объясняет трехдневный срок текстом из Синодика о воздействии к этому времени тления на тело покойного и традицией поминовения умершего в этот день. К тому же, возможно, в Россию проник распространенный в цивилизованной Европе XVII – XVIII вв. страх быть погребенным заживо в состоянии летаргического сна. Трехдневный срок предотвращал возможность такого несчастного случая, так как биологическая смерть становилась очевидной. Именно по этой причине «Уложение о наказаниях» середины XIX в. в ст. 1081 за погребение ранее третьего дня предусматривает специальные наказания. В тексте имеется и объяснение такой жесткой регламентации срока похорон: «если впоследствии окажется, что похороненный таким образом человек находился в летаргическом сне или в при-

¹ Сазонов С.В. Указ соч. С. 52.

² ПСЗ-1. Т. IV. № 1964.

падке оцепенения, принятом за смерть, и умер от преждевременного погребения». Другими словами, несоблюдение трехдневного срока похорон рассматривается как потенциальная попытка погребения живого человека, т.е. покушение на его жизнь. Превращение законодательной нормы в сакральную С.В. Сазонов объясняет неосознанным желанием людей «освоить» эту норму, вторгавшуюся в сферу, где «ранее безраздельно господствовала традиция и церковь»¹.

Погребальный обряд был выбран в качестве главной темы конференции этнографов в 1984 г., на которой было представлено 56 докладов, в числе которых были археологические, лингвистические, этнографические, фольклористические². Однако ни в одном из них нет информации о сроке погребения. Этнографы, изучающие современное состояние обрядов и обычаев русского народа, а также их бытование в сравнительно недавнем прошлом, как правило, фиксируют существование погребения на третий день после смерти. Этот факт воспринимается как традиционная норма, напрямую связанная с христианским, православным обрядом. Единственным исключением рисуется обряд погребения покойников в «убогих домах», который согласно православной традиции происходил на Троицу³.

Этнографы отмечают, что многие детали, свойственные народному быту в XVII — XVIII вв., были утрачены позднее. В то же время современный православный обряд впитал некоторые черты, сохранившиеся от дохристианской традиции⁴. И.А. Кремлева разработала и опубликовала Программу сбора материала по

¹ Сазонов С.В. Указ. соч. С. 55 — 57, 59.

² Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: тезисы докладов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1985. 134 с.

³ Пропп В.Я. Русские православные праздники. СПб., 1995. С. 30.

⁴ Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 512, 517, 518.; Она же. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской обл. // Полевые исследования института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980. С. 27; Она же. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 204.

похоронно-поминальным обычаям и обрядам. На ее основе надлежало составить опросные листы и анкеты, адресованные к информаторам. Эта программа синтезировала в себе многие ранее разработанные аналоги, составленные РГО, этнографическим бюро В.Н. Тенишевой, институтом славяноведения. Она содержит более 250 пунктов. Один из них (№ 112) касается очередности дня и времени погребения: «На какой день принято хоронить? В какое время дня?»¹. Результатом большой и кропотливой работы явилась статья, в которой подробно восстанавливается весь цикл действий и обрядов завершающего этапа жизненного пути человека. Однако ответа на вопрос о сроке погребения в ней найти не удалось. Только в одной из сносок есть неясная информация о возможности погребения ранее третьего дня². Таким образом, этнографы либо фиксируют существующую в настоящее время норму, либо не акцентируют внимание на этом моменте.

Погребальный обряд всегда был в центре внимания православной церкви. Церковные власти особенно пристально следили за тем, чтобы отпевания и погребения со всеми полагающимися церемониями были удостоены только истинно православные люди, а не раскольники; умершие по христианской должности в покаянии, удостоившиеся Святого причастия. По этой причине инструкциями 1697 и 1721 гг.³ священникам вменялось не погребать скоропостижно умерших людей без похоронных памятей, т.е. без специальных документов, которыми подтверждалось бы, что покойный соблюдал православные обряды и не был самоубийцей. Особо подчеркивалось, что смерть от хмельных напитков лишала человека погребения у церкви. С. Смирнов, опубликовавший «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины», подробно приводит особенности обрядов отпевания и погребения в разных житейских ситуациях. Для церков-

¹ Кремлева И.А. Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 314.

² Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 517–532.

³ ПСЗ-1. Т. Ш. № 1612. П. 20–22; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1879. №60. С. 88.

ной литургической практики важны моменты очередности и состава действий и молитвословий, комплектность одеяний священнослужителей при погребении, возможность или запрет отпевания и погребения на освященной земле, будь то городское кладбище или церковный погост. Срок погребения нигде не оговаривается, за исключением указания на время суток — «погребение совершается до захода солнца»¹.

«Настольная книга для священно-церковно-служителей», изданная С.В. Булгаковым в 1913 г., отмечает существование нескольких чинов погребения: «1) для мирян, 2) для (не достигших 7 лет) младенцев, 3) монахов, 4) священников и 5) особый чин погребения на Св. Пасху». Специальный раздел посвящается времени погребения. Трехдневный срок погребения признается автором единственно возможным для православного человека в нормальных условиях: «Запрещается, за исключением некоторых случаев... предавать земле умерших всякого возраста (следовательно и младенцев) прежде истечения трех суток по удостоверении в смерти». Но автор отмечает бытование в простонародной среде иных норм: «Прихожане во многих местах, по давней привычке, не желают держать тела умерших, не погребая, даже одних суток; причем настойчиво пристают, а иногда, с угрозами жаловаться начальству, требуют священника отпевать умерших несвоевременно, когда они пожелают; объявления же распоряжений начальства по сему делу считают произвольным нововведением священника, почему бывают случаи своевольных и несвоевременных погребений ими тел без отпевания, и это именно потому, что им подлинно неизвестны законы и распоряжения начальства о времени для погребения тел умерших; нежелание многих священников входить с прихожанами в пререкания, иногда и поблажки им, часто служат нехорошими примерами в оправдание таковых их привычек и незаконных притязаний». В качестве объяснения причины «несвоевременного» погребения С.В. Булгаков называет тесноту крестьянского жилища и «дурной обычай у народа поить водкой всех приходящих навестить покойников. ... При гробе у головы покойника ставят

¹ Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: Имп. О-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1914. С. 93, 510, 513.

посуду с водкой и стакан для угощения малопонимающих христианское человеколюбие и достоинство людей и очень часто не соблюдающих меры в числе стаканов, выпиваемых будто бы за душу покойника. Такое неумеренное угощение вводит хозяина дома или домашних в обременительные расходы и побуждает скорее похоронить покойника»¹. Видимо, на рубеже XIX — XX вв. образованные люди уже не представляли, что до 1704 г. существовали другие сроки погребения православного человека.

Исследуя литургические особенности поминовения усопших, знаток богослужения и ревностный исполнитель устава православной церкви епископ Афанасий (Сахаров) основное внимание уделяет констатации очередности молитвословий, объясняет недопустимость самочинных сокращений или несоблюдения установленных правил, так как это «причиняет усопшим только печаль». Обращаясь к истории обряда, он подробно воспроизводит существовавший до появления во второй половине XVIII в. общих городских кладбищ обычай погребения в «скудельницах», «убогих домах» или «Божьих домах» в Семик на Троицу². Вопрос о сроке похорон и его трансформации во времени в книге епископа Афанасия не затрагивается.

Продолжением традиций церковных историков стало проведение в 1997 г. конференции «Сих же память пребывает во веки», на которой было представлено 12 докладов, посвященных мемориальным аспектам в культуре русского православия. А.Е. Мусин, изучающий погребальный обряд Древней Руси на археологическом материале, убеждается в изменчивости христианского обряда, который со временем начинает включать в практику бытовые элементы, допустимые христианским сознанием. По этой причине он делает важный методологический вывод, что «знание современных форм церковного быта не должно довлеть над исследовательским процессом. Оно должно в большей мере способствовать бинокулярному видению и пониманию истории, где современные аксиологические категории вступают в диалог с сис-

¹ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Ч. II. Репринтное воспроизведение издания 1913 г. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 1307, 1310.

² Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной церкви. СПб.: Сатисъ, 1995. С. 30, 49.

темой ценностей и представлений прошлого»¹. Однако упоминание (косвенное) о такой существенной детали, как день погребения, есть только в статье Э.П. Кудрявцева: «Мы стоим над ним (телом покойного. — Н.Ч.) три дня и три ночи с чтением, пением, с церковной молитвой»². Современные православные издания единодушно указывают: «Предание тела земле по православной традиции погребения усопшего совершается на третий день после его смерти»³. Таким образом, церковные историки признают эволюцию исторически преходящих форм обряда. Применительно к XIX — началу XX в. фиксируют не только существующую в настоящий момент норму, но и отклонения от нее.

Итак, накопленный историографией опыт свидетельствует, что погребальный обряд не оставался неизменным. В начале XVIII в. решающая роль в изменении обряда принадлежала государству. В конце XIX — начале XX в. обряд приобретает современные, хорошо знакомые нам черты. Однако как именно происходил процесс внедрения законодательных инициатив в жизнь и насколько он был быстрым и эффективным, не известно.

Компенсировать образовавшуюся лакуну в знаниях тонкостей этого обряда могут сведения, содержащиеся в метрических книгах. Источниковедческое исследование метрических книг было сделано в диссертации И.А. Антоновой⁴. Метрические книги состоят из ежегодных ведомостей о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком, которые составлялись приходским священником. Сведения располагаются в табличной форме. Лист расчерчен на три основные части — рождение, смерть и брако-

¹ Мусин А.Е. Погребальный обряд Древней Руси как археологическая и литургическая проблема // «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия); материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 16–17.

² Кудрявцев Э.П. Слово об обряде погребения, языческом и христианском // «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия); материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 123–130.

³ Усманов К. Православные обряды: крещение, венчание, погребение. Серия «Домашняя энциклопедия». Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С. 116.

⁴ Антонова И.А. Метрические книги XVIII — начала XX в. в России: Источниковедческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

сочетание. В графе «о смерти» записи включают порядковый номер, даты смерти и погребения, сословную принадлежность, имя главы семьи и имя собственное усопшего, соблюдение христианского обряда покаяния, возраст и место погребения умершего. Хронологический порядок записей в этой графе выдержать удавалось не всегда, так как в случае смерти новорожденного в текущем году отметка об этом факте и о погребении делалась напротив записи о рождении и, как правило, этим вся информация ограничивалась. Это приводило к некоторой хаотичности внутри графы. По метрическим книгам И.А. Антонова изучала церковный обряд бракосочетания (сезонность браков), О.В. Фомина — сезонность рождаемости и смертности¹. К изучению динамики срока похорон они привлекаются впервые.

Нами были изучены метрические книги Сергиевского посада. Они сохранились начиная приблизительно с одного и того же времени, с небольшими колебаниями, с конца 1770-х гг. Всего в Сергиевском посаде в это время было 6 приходов, из которых метрические книги сохранились по Вознесенскому — с 1777 г., Введенскому — с 1778 г., Успенскому — с 1780 г., Ильинскому — с 1779 г., Воскресенскому — с 1779 г., Христорождественскому — с 1803 г. Однако книги по Воскресенскому (1779 — 1856 гг.) и Ильинскому (1806 — 1822 гг.) приходам требуют реставрации, и ознакомиться с ними не удалось. Таким образом, за период конца XVIII — начала XIX в. доступными оказались книги только трех приходов — Введенского, Успенского и Вознесенского². Хронологически начальной датой стал 1780 г. Завершает выбранный отрезок времени 1812 г., по многим обстоятельствам ставший рубежной чертой в истории России. Выбранный отрезок времени охватывает 33 года, включает в себя свыше двух десятилетий XVIII в. и двенадцать лет XIX в. Представлены три из шести приходов Сергиевского посада, что можно назвать вполне представительной выборкой.

¹ Антонова И.А. Метрические книги XVIII — начала XX в. в России: Источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 15 — 16; Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 23 — 24.

² ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 16, 19, 54, 55, 128.

Всего в ней зафиксирован 2591 случай смерти и погребения на территории поселения. Абсолютное большинство умерших — жители Сергиевского посада, относившиеся к различным непривилегированным и полупривилегированным сословиям. В их числе крестьяне, бобыли, разночинцы, штатные служители, купцы, мещане, цеховые, отставные военные, церковнослужители и т.д. При фиксации смерти малолетних детей в записях отсутствует упоминание о соблюдении «христианской должности и покаяния». Зафиксировано 8 случаев смерти от оспы. Особо отмечались случаи смерти без покаяния, с указанием причин, например, скоропостижной смерти, заблуждения в расколе, как следствие специфики заболевания (падучей болезни, горячки, безумия, старческого слабоумия). Таких случаев насчитывается 49. Отметок об изменении в этих случаях обряда, например отпевания, не имеется. В одном случае зафиксирована смерть от пьянства, но умерший от этого мещанин погребен у церкви, хотя согласно инструкции 1721 г. это делать запрещалось.

В 16 случаях была сделана особая отметка о наличии разрешения («билета») на погребение от представителей местных властей. Это связано с наличием форсмажорных обстоятельств — смерть в пути, несчастный случай и т.д. Согласно упомянутой ранее инструкции Синода 1721 г., погребение умерших скоропостижно людей должно было происходить только при наличии «похоронной памяти». Именно так происходили погребения в столице в конце 1720-х гг.¹ В данном случае метрические книги не дают указаний на подобные документы. Возможно, такая ситуация объясняется тем, что покойные были местными жителями, погребения совершались в собственных приходах и священники в таком случае должны были бы выдавать «похоронные памяти» для предъявления их себе же. «Билеты», выданные органами местной власти, скорее всего в принципе не могли содержать сведения о бытии на исповеди и святом причастии. Это документы иного ведомственного происхождения и содержания.

¹ ПСЗ-1. Т. Ш. №1612. П. 20; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1879. №60. С. 88; Лещенко В.Ю. Русская семья (XI—XIX вв.). СПб.: Диксон У, 2004. С. 334—335.

Все перечисленные ситуации являются единичными случаями, составляющими доли процента.

Практически все погребения (в том числе и умерших от оспы) производились на территории церковных кладбищ, и лишь однажды упоминается о существовании «убогого дома». Запись касается погребения умершей 4 апреля 1809 г. заблуждавшейся в расколе жены купца Алексея Яковлева Мокеева, которая «кем и когда на убогом доме погребена не известно»¹. Кстати, к этому времени во многих городах уже давным-давно погребения около приходских церквей не совершались, так как были отведены городские кладбища. В 1770 — 1774 гг. было опубликовано несколько указов, регламентирующих порядок отведения мест для городских кладбищ, а также о штрафованиях за самовольные погребения при церквях². Однако эти новшества не затронули Сергиевский посад даже в начале XIX в.

Церковный притч практически полностью принимал участие в погребальной церемонии. В случае болезни собственного приходского священника его функции мог выполнять коллега из соседнего прихода. Лишь однажды смутно упоминается о некоем несогласии: «погребение исправлял священник и притч, кроме дьячка Гаврилы Иванова, который по каким-то к его мздоимству относящимся предлогам при погребении быть не заблагорассудил»³.

Все полученные сведения легли в основу электронного архива данных в программе электронных таблиц «Excel»⁴. В базе данных содержатся следующие информационные поля: 1) Дата смерти; 2) Дата погребения; 3) Срок похорон; 4) Месяц похорон; 5) Пол покойного; 6) Имя собственное покойного; 7) Возраст; 8) Сословная принадлежность; 9) Имя главы семьи; 10) Степень родства; 11) Причина смерти; 12) Разное. Это дало возможность систематизировать имеющуюся информацию и произвести необходимые расчеты.

¹ ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 55. Л. 66 об.

² ПСЗ-1. Т. XIX. № 13724, 13803, 13877, 13901, 13927, 13931.

³ ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 128. Л. 159, 215.

⁴ Автор приносит искреннюю благодарность к.и.н. Ольге Васильевне Фоминой за помощь в освоении методики создания электронных таблиц «Excel».

**Соотношение полов
по срокам погребения
в приходах Сергиевского посада
(1780–1812 гг.)**

Пол	День погребения							Итого
	первый	второй	третий	четвер- тый	пятый	в другой день	неиз- вестен	
Мужчины	661 (25,51%)	444 (17,14%)	121 (4,67%)	27 (1,04%)	2 (0,08%)	2 (0,08%)	40 (1,54%)	1297 (50,06%)
Женщины	594 (22,93%)	485 (18,72%)	135 (5,21%)	24 (0,93%)	4 (0,15%)	5 (0,19%)	47 (1,81%)	1294 (49,94%)
Всего	1255 (48,44%)	929 (35,86%)	256 (9,88 %)	51 (1,97%)	6 (0,23%)	7 (0,27%)	87 (3,35%)	2591 (100%)

Составлено по: ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 16, 19, 54, 55, 128.

Первоначально попытаемся определить общее количество погребений в день смерти (первый), на следующий день (второй), третий, четвертый, пятый, в другие дни, а также выделим те случаи, когда очередность дня погребения установить не удалось. Одновременно посмотрим соотношение мужчин и женщин. Полученные данные демонстрирует таблица 1.

Анализ данных показал, что в Сергиевском посаде в этот период количество умерших мужчин и женщин практически одинаково — 1297 и 1294 соответственно. Почти половина всех погребений (1255 из 2591, или 48,43%) приходилась на первый день — день смерти. Более трети погребений (929, или 35,86%) совершалась на следующий (второй) день. В третий день, который мы считаем традиционным для похорон православного человека и который с начала XVIII в. уже был закреплен законодательно, было предано земле только 9,88% (256 из 2591) покойных. В 87 случаях (3,35%) очередность дня погребения установить не удалось. На четвертый и последующие дни приходится всего 64 случая (2,47%), другими словами, такие погребения происходили в среднем не чаще 2 раз в году, т.е. в исключительных случаях. Синодские указы от 23 ноября и 24 декабря 1772 г., описывая случаи погребения тел на пятый-шестой день после смерти, идентифицируют их как

Таблица 2

**Распределение
сроков погребений в течение года
в приходах Сергиевского посада
(1780–1812 гг.)**

Месяц	День погребения				
	первый	второй	третий	четвер- тый	пятый
Январь	100 (43,30%)	80 (34,64%)	32 (13,85%)	7 (3,03%)	—
Февраль	78 (39,39%)	87 (43,94%)	24 (12,12%)	5 (2,53%)	—
Март	111 (48,47%)	83 (36,24%)	27 (11,79%)	4 (1,75%)	—
Апрель	104 (48,15%)	74 (34,26%)	27 (12,50%)	5 (2,31%)	—
Май	77 (41,40%)	77 (41,40%)	17 (9,14%)	10 (5,38%)	1 (0,53%)
Июнь	138 (52,48%)	90 (38,02%)	15 (5,70%)	2 (0,76%)	—
Июль	142 (54,41%)	96 (36,78%)	14 (5,36%)	2 (0,77%)	1 (0,38%)
Август	158 (55,64%)	90 (31,69%)	16 (5,63%)	5 (1,76%)	—
Сентябрь	103 (50,99%)	70 (34,65%)	22 (10,89%)	2 (0,99%)	—
Октябрь	63 (39,87%)	61 (38,61%)	19 (12,03%)	2 (1,27%)	1 (0,63%)
Ноябрь	75 (47,76%)	57 (36,07%)	19 (12,03%)	2 (1,27%)	1 (0,63%)
Декабрь	92 (46,94%)	64 (32,66%)	24 (12,24%)	5 (2,55%)	2 (1,02%)
Неизвестно	4 (44,44%)	—	—	—	—

Составлено по: ЦИАМ. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 106, 54, 55, 123

«дерзкие», следствие взяток и вымогательств. Общий тон изложения существа происшествий в указе от 23 ноября 1772 г. воспринимается как осуждающий бесчеловечную практику, в общем-то явление осквернения церкви¹. Пол покойного, скорее всего, не имел решающего значения при определении дня погребения. Во всяком случае, какой-либо определенной явной тенденции не заметно. Упомянувшиеся ранее единичные случаи форсмажорных обстоятельств смерти также не могли влиять на общую картину динамики срока погребения ввиду их малочисленности.

Приведенный материал убедительно показывает, что в таком центре православия, каким всегда был Сергиевский посад, даже в конце XVIII — начале XIX в. навязываемая законодательством норма погребения усопшего на третий день только начала приживаться. Минуло почти сто лет со дня публикации петровского закона от 28 января 1704 г., а эффективность его внедрения составляла всего около 10%. Невольно вспоминается мысль, высказанная Екатериной II, о том, что нельзя изменить указами то, что меняется обычаями.

Интересно посмотреть, имела ли значение сезонность на определение дня погребения и насколько явно это проявлялось. Для ответа на эти вопросы имеющийся материал по месяцам разместим в таблице 2, а за 100% примем число захоронений в каждом месяце.

Здесь очевидны некоторые вполне закономерные колебания. В теплые месяцы года возрастает число погребений в первый день и одновременно сокращается количество погребений в третий день. В холодные — наоборот. Весьма показательная ситуация с захоронениями в июле и августе. На август приходится максимум погребений в первый день — 55,64%, а на июль — минимум погребений третьего дня — 5,36%. Показатели погребений третьего дня в июне, июле и августе отличаются незначительно. В абсолютных цифрах — это 15, 14, 16 случаев; в относительных — 5,70, 5,36, 5,63% соответственно. На январь приходится максимальное количество погребений третьего дня — 13,85%. Такая ситуация кажется вполне естественной и легко объясняется простыми житейскими причинами.

¹ ПСЗ-1. Т. XIX. №13910, 13931.

Максимум захоронений второго дня приходится на февраль — 43,94%, ему немного уступает май — 41,40%, в остальные месяцы цифры немного варьируют — от 31,69 до 38,61%, но прямой зависимости с климатическими изменениями не наблюдается.

Таким образом, некоторое влияние времени года по определение дня погребения имеется, но оно не носит решающего характера.

Существует ли какая либо закономерность при погребении лиц разных возрастных категорий? В таблице 3 умершие распределены по семи возрастным категориям — до 1 года, от 1 до 5, от 5 до 15, от 15 до 30, от 30 до 50, от 50 лет и старше, выделена также группа лиц, возраст которых не обозначен.

Прежде всего бросается в глаза грандиозная смертность младенцев в возрасте до одного года. Их число составляет половину (1297 из 2591, или 50,01%) всех умерших в Сергиевском посаде за это время. Из них почти три четверти (943 из 1297, или 72,76%) были преданы земле в день смерти, почти четвертая часть (308 из 1297, или 23,68%) — во второй день и только 15 случаев (1,16%) приходится на третий и последующие дни. В 31 случае (2,39%) очередность дня установить не удалось.

В следующей возрастной группе — детей в возрасте от 1 до 5 лет — общее число умерших составило 277 (10,69% от общего числа умерших). Из них в первый день похоронили почти две трети (170 из 281, или 61,37%) детей, во второй день — третью часть (88, или 31,77%). На все остальные дни приходится всего 19 случаев (6,86%), другими словами, они происходили приблизительно 1 раз в два года.

Таким образом, погребение малолетних детей осуществляли, как правило, в первый и второй дни, причем преимущество было за первым днем. В остальные дни это случалось эпизодически.

В возрастных группах более старшего возраста соотношение меняется. Практически во всех из них почти половина случаев погребений приходится на второй день, а именно в группах от 5 до 15 лет — 49,02% (50 из 102); от 15 до 30 лет — 52,63% (50 из 95); от 30 до 50 лет — 49,38% (80 из 162); старше 50 лет — 54,01% (337 из 624); для лиц с неопределенным возрастом эта цифра составила 47,06% (16 из 34). С увеличением возраста усопшего доля похорон в первый день меняется волнообразно — сначала резко уменьшается, а в возрасте старше 50 лет снова растет (39,22,

Таблица 3

**Распределение сроков погребений
по возрастным категориям умерших
в приходах Сергиевского посада
(1780–1812 гг.)**

Возраст	День погребения					
	пер- вый	вто- рой	тре- тий	четвер- тый	пя- тый	в д д
До 1 года	943 (72,76)	308 (23,68)	9 (0,69)	3 (0,23)	1 (0,08)	(0,06)
От 1 до 5 лет	170 (61,37)	88 (31,77)	11 (3,97)	–	1 (0,36)	–
до 15 лет	40 (39,22)	50 (49,62)	8 (7,84)	2 (1,96)	–	(0,06)
От 15 до 30 лет	9 (9,47)	50 (52,63)	22 (23,16)	7 (7,37)	–	(2,00)
От 30 до 50 лет	12 (7,41)	80 (49,38)	49 (30,28)	10 (6,17)	2 (1,23)	(0,06)
От 50 до 70 лет	–	–	–	7,84 (24,20)	2 (6,17)	(0,06)
От 70 до 80 лет	–	–	–	–	–	–
От 80 до 90 лет	–	–	–	–	–	–
От 90 до 100 лет	–	–	–	–	–	–
Всего	1255 (49,41)	929 (33,86)	256 (9,33)	51 (1,87)	6 (0,23)	(0,06)

Составлено по: ЦИАМ. Ф. 2128. Оп.1. Д. 15, 19, 54, 55, 128

9,47, 7,41, 12,18% соответственно. Доля погребения в третий день изменяется с точностью до наоборот (7,41, 49,38, 30,28, 6,17, 1,23, 0,06) личивается, а в возрасте старше 50 лет — уменьшается (7,84, 29, 23,16, 30,25, 24,20% соответственно). Для лиц старше 50 лет в среднем растом разница между количеством погребений в первый и третий день составляет всего 1 случай.

Таким образом, налицо определенная тенденция: в большинстве покойных старались погребать земле в течение 1 – 2 дня, что можно соотнести в древней традицией погребения в первые сутки после смерти. Решающее значение при определении дня погребения, вероятно, имел возраст покойного. Младенцев

в возрасте до одного года хоронили преимущественно в день смерти. Погребение лиц старше 15 лет происходило в основном на 2 — 3-й день. Аналогичная ситуация наблюдалась в Вологодской губернии в XIX в. — в крестьянской среде погребение происходило на второй день после смерти¹. Традиция похорон в третий день только начала формироваться в среде простонародья. Наиболее значимо (до 30%) она фиксируется при погребении лиц самого трудоспособного возраста — от 30 до 50 лет. Кстати, в этом возрасте наименьший процент захоронений в первый день — всего 7,41%.

Чем объяснялась такая вариативность дней погребения по возрастным группам, пока не вполне ясно. Возможно, что хлопоты с преданием земле новорожденного были значительно меньше. По сведениям, приведенным В.Ю. Лещенко, «для детей до двух лет гробов не делали. Их клали в выдолбленные из дерева колодки, сверху закрывали крышкой, а чтобы она не отпала, привязывали веревкой»². Законодательно установленная плата за погребение взрослого составляла 10 коп., а за погребение младенца — всего лишь 3 коп. Младенческое погребение совершалось без каждения. Такое чинопоследование при похоронах взрослого человека считалось недопустимым. Священники должны были сопровождать тело до кладбища перед гробом в ризах и епитрахили с пением определенных каноном молитв³. О соблюдении такого чина при погребении младенцев сведений нет. Кроме того, ребенок такого нежного возраста был практически безгрешным. Видимо, совокупность этих моментов и укорачивала ритуал. Но, по мнению С.В. Булгакова, «закона, разрешающего погребение младенца, умершего не от заразной болезни, ранее трех суток, нет»⁴.

Изменение традиций погребения в дворянской среде происходило иначе. В столицах — Петербурге и Москве — было запрещено делать захоронения в черте города. Результатом стало формирование в дворянской среде традиции семейных захоронений в собственных поместьях рядом с храмом или в ближайшем почитаемом монастыре. Такая практика приводила к тому,

¹ Лещенко В.Ю. Указ. соч. С. 336 — 337.

² Лещенко В.Ю. Указ. соч. С. 336.

³ ПСЗ-1. Т. III. № 1612. П. 7; Т. XVII. №12378; Т. XIX. №13910; Т. XXIV. №18110.

⁴ Булгаков С.В. Указ. соч. С. 1318, 1307.

что покойного часто невозможно было предать земле ранее чем за 3 дня после смерти. Чаще же на третий день происходило отпевание покойного в церкви, прощание близких, после чего гроб с телом отвозили к месту погребения, иногда достаточно далеко. На третий день происходило отпевание умершей на Пасху в Москве сестры Е.П. Яньковой. Однако в мемуарной литературе можно найти и другие примеры. С.Н. Глинка, описывая обстоятельства смерти и погребения своего брата в 1795 г. в имении родителей в Смоленской губернии, однозначно утверждает: «Положено было предать тело земле на другой день»¹. Скорее всего, в данном случае налицо связь с существовавшими простонародными обычаями, так как описана ситуация в имении, а не в столице. Следовательно, и в дворянской среде абсолютной унификации срока похорон не произошло. Имеющиеся свидетельства, как правило, отмечают случаи погребения взрослых. Какая норма соблюдалась при погребении младенцев — неясно. Однако в целом в дворянской среде закрепление законодательной нормы погребения произошло быстрее, чем в среде простонародной. К тому же в интеллектуальной дворянской среде в XIX в. пытались объяснить сложившуюся новую норму очевидностью биологической смерти именно к этому сроку. Позднее стали приводить доводы иного, сакрального, порядка. Примеры этого приводятся в статье С.В. Сазонова². В данном случае вполне уместно вспомнить известную философскую истину — бытие определяет сознание.

По мнению И.А. Кремлевой, «различия в похоронной обрядности наблюдались в разных социальных группах (крестьянство, купечество, дворянство), но они, по крайней мере, в XIX в., не носили принципиального характера»³. Однако, С.В. Булгаков отмечает, что даже в 1890-е гг. в Могилевской и Подольской епархиях и Самарской губернии издавались специальные предписания, запрещавшие погребения в течение суток и предписывавшие

¹ ПСЗ-1. Т. VII. № 4322; Т. XI. № 8060; Т. XIV. № 10480; Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М., 2002. С. 193, 197, 198; Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания / изд. подг. В.М. Боковой и Н.И. Цимбаевым. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 142.

² Сазонов С.В. Указ. соч. С. 58 — 59.

³ Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 518.

соблюдение 3-дневного срока¹. Таким образом, третий день, несмотря на усилия правительства, не стал абсолютной нормой для простонародья даже спустя почти двести лет после издания указа 1704 г.

Приведенный материал убедительно показывает значимость государственных инициатив в формировании обрядовой стороны погребения, с одной стороны, а также сложность и длительность их внедрения в повседневную практику рядовых православных россиян — с другой.

¹ Булгаков С.В. Указ. соч. С. 1307.